

ДЕНИС КАЧЕЕВ, СЕРГЕЙ КОЛЧИГИН*

МЕЖДУ АНГЕЛОМ И БЕСОМ**

«ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ» ДОСТОЕВСКОГО

Получено: 01.01.2000. Рецензировано: 01.01.2000. Принято: 01.01.2000.

Аннотация: Ф. М. Достоевский положил начало тому пути развития русской философской мысли, основой которого стали экзистенциальные и духовные искания человека. Вот краткий список вопросов, которые задал человечеству русский писатель: «Если Бога нет, то все позволено?» Везбожие может выступать как богоборчество и отрицание высших человеческих качеств, но может не исключать и прекрасных качеств души. Ценности человеческой жизни, любви, семьи, социальной справедливости могут иметь гражданское основание, но только понимание их сакральной основы делает их подлинно всечеловеческими. «Со Христом или с истиной?» Ответ: конечно, со Христом, ибо Он и есть Истина. В своем вопросе Достоевский имел в виду истину логическую, умственную. «Гварь ли я дрожащая или право имею?» Трансцендировать наличные рамки — сущностное свойство человека. Но тут есть два пути: один — переступить в себе человеческое, другой — переступить в себе античеловеческое. «Стоит ли гармония слезинки ребенка?» XX век пытался опровергнуть ответ Достоевского на этот «проклятый вопрос», пытаясь утвердить некие образцы гармонии в жизни. Но нужно ли пытаться построить «царство Божие» на земле, которое и будет всемирной гармонией? Или страдания человека, та самая «слезинка», важнее любых утопических проектов? «Обратить камни в хлеб — самая ли великая мысль?» Если задача внутреннего роста души оказывается второстепенной в сравнении с задачами экономическими, то достичь социальной гармонии невозможно. Не изменятся люди — не изменится ничего, кроме внешних проявлений их жизнедеятельности. «Зачем я непременно должен быть добродетельным?» Вопрос о добродетельности — не просто экзистенциальный, но онтологический. Отринув добродетельность, можно уничтожить все вокруг и самого себя. Как в физическом, так и в духовном смысле.

Ключевые слова: Достоевский, «проклятые вопросы», философия, добродетель, онтология, гармония, ценности.

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-3-159-171.

*Качеев Денис Анатольевич, к. филос. н., профессор Костанайского филиала ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет» (Костанай, Казахстан); ассоциированный профессор кафедры философии Костанайского регионального университета имени Ахмета Байтурсынова (Костанай, Казахстан), kacheev@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4847-4611; Колчигин Сергей Юрьевич, д. филос. н., профессор, главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (Алматы), skolchigin@mail.ru, ORCID: 0000-0001-6902-2046.

** © Качеев Д., Колчигин С. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Наш век, начало третьего тысячелетия от Рождества Христова, обострил множество «проклятых» вопросов, сделав их предельно актуальными. Эти Вопросы (с большой буквы) требуют обращения к подлинной философии и знаменуют собой ее начало. Начало не праздномыслия, а жизненно важного осмысления бытия человека в мире.

В России вопросы такого рода были поставлены Федором Михайловичем Достоевским. Для него они являлись не умственной игрой, не теоретическим дискурсом или академическим занятием. Они были поставлены Достоевским в самом жестком виде, во всей их реальной остроте и полноте, как жгучие проблемы жизни и смерти человечества и каждой личности.

Судьба Ф. М. Достоевского была, как известно, неимоверно тяжелой. Но была бы еще страшней, если бы не сила духа писателя. Федору Михайловичу пришлось пережить смертный приговор, каторгу, эпилепсию, смерть родного ребенка и многое другое, что могло бы свести с ума иного из нас. Отсюда, из этой жизненной трагедии, выросли темы произведений Достоевского с их отчаянными «последними вопросами». И он метался между полным принятием веры и временами нападавшим на него отчаянием из-за тех беззаконий, что царят в обществе и внутри человека.

Кстати, а почему Христос в «Братьях Карамазовых», выслушав Великого Инквизитора, вдруг целует его? Ответы могут быть разными, но один из них, вероятно, таков. Христос целует Инквизитора потому, что тот задает вопросы. Ведь вопрошание означает, что человек жаждет истины, стремится к мудрости и что, следовательно, он — истинный философ.

Отсюда понятно, что и самого Достоевского надо с полным правом называть философом, поскольку он задает вопросы, тревожащие душу, будоражащие сознание, едва ли не впервые в русской истории. Вопросы эти являются квинтэссенцией не только русского, но и человеческого существования, демонстрируя нам одну из вершин экзистенциального осмысления бытия через определение узловых, болевых точек. Каждый из «проклятых вопросов» фиксирует пограничную ситуацию бытия человека, преодолеть которую, с одной стороны, невозможно, а с другой — необходимо. Эта двойственность, разрывающая на части душу человека, это противоречие сущего и должного могли быть отрефлексированы только русской литературой, отражающей все перипетии и тяготы общественной жизни.

Наряду с проблемой «человека из подполья», введенной Ф. М. Достоевским в оборот духовной жизни общества, «проклятые вопросы» являются одним из знаковых явлений, получивших развитие в русской и зарубежной литературе и философии. Н. А. Бердяев писал: «Проклятые вопросы сделались слишком жизненными, слишком реальными вопросами, вопросами о жизни и смерти, о судьбе личной и судьбе общественной» (Бердяев, 2016: 499).

Суть «проклятых вопросов» не только в том, что они затрагивают извечные проблемы русской философии и культуры, взятые в контексте нравственных основ христианства. Через эти вопросы актуализируется дихотомичность человеческой природы, которая для Достоевского есть не просто антагонизм между «ангелом» и «бесом» в душе, но трагическая оторванность человека, как творения Бога, от своей изначальной сакральности.

Проклятые вопросы — это исконные вопросы русской православной культуры, рефлексия над которыми достигает своего апогея в русской классической литературе, в художественных полотнах Федора Достоевского. Зачастую то, что называют «психологизмом» Достоевского, есть в том числе попытка раскрыть суть этих проклятых вопросов, потому что для русского человека нет на них ответа либо русский человек знает, какой должен быть ответ, но поступает вопреки ожидаемому. Подобный иррационализм показан писателем в различных его персонажах: святых и грешниках, мудрецах и юродивых.

«...Если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя», — писал Фридрих Ницше (Ницше, Полилов, 2017: 107). И Достоевский — первый русский мыслитель, который с помощью своего художественного таланта подводит нас к бездне души русского человека, показывая не только падение на дно этой бездны, но и вознесение из нее. Загадочность русской души и трагичность жизни, все время обрекающая человека на самопожертвование, а также необходимость сохранения человеческого в самых нечеловеческих условиях — вот общая атмосфера, в которой рождаются мучительные вопросы Достоевского, не только не утрачивающие своей актуальности, но и, наоборот, приобретающие особое звучание сегодня.

«Проклятые вопросы» Достоевского, сформулированные и отрефлексированные им в литературно-художественной форме, позволяют понять не только корневые основания всей русской культуры, выросшей в лоне православия, но и русскую философию как феномен культуры народа.

Называя «проклятые вопросы» этическим ядром русской философии и литературы, Т. И. Черепова отмечает, что

это вопросы, на которые не может быть дан позитивный рациональный ответ. Однако в свете этих вопросов именно в силу их трагически-безответного характера человеческое бытие приобретает особое метафизическое значение (Черепова, 2016: 198).

Достоевского можно отнести к родоначальникам русской философии еще и потому, что его «проклятые вопросы» были поставлены писателем в виде целого комплекса. Причем в этом комплексе представлены темы из всех основных областей собственно философии: онтологии, социальной философии, этики, теории познания, эстетики...

Вот список вопросов, которые задал человечеству Достоевский. Список, разумеется, не полный, но включающий вопросы наиболее известные и наиболее четко, остро сформулированные писателем.

Если Бога нет, то все позволено? Со Христом или с истиной? Стоит ли гармония слезинки ребенка? Обратит камни в хлебы — самая ли великая мысль? И, пожалуй, самый главный, основополагающий вопрос, от решения которого зависят ответы на все другие вопросы. Мы имеем в виду вопрос Подростка: Зачем я непременно должен быть добродетельным? Какие же ответы дает писатель? И какие ответы вообще возможны?

1. ЕСЛИ БОГА НЕТ, ТО ВСЕ ПОЗВОЛЕНО?

Безбожие может выступать как богоборчество и отрицание высших человеческих качеств, но может не исключать и прекрасных качеств души. «Человек и его убеждения — вещи слишком различные», — подчеркивал писатель. Ценности человеческой жизни, любви, семьи, социальной справедливости могут иметь гражданское основание, но только понимание их сакральной основы делает их подлинно всечеловеческими.

Имеет достаточно широкое хождение утверждение о том, что существуют два вида духовности: светская и религиозная. Между тем должно быть понятно: светский человек и человек религиозный оба имеют в себе духовное начало. Тот и другой — люди. А мы видели, что духовность есть глубинное определение самого существа человека. Следовательно, светский человек (неверующий) и религиозный человек (верующий) духовному началу как минимум причастны. Другое дело — различие в их рефлексии над этим духовным началом, разница в их мировоззрениях и мнениях относительно того, что такое духовность.

2. СО ХРИСТОМ ИЛИ С ИСТИНОЙ?

Данный вопрос формулируется Достоевским в его письме Н. Д. Фон-визиной еще в 1854 году (Дзо. Т. 28: 176):

...если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной.

С одной стороны, данный вопрос противоречит христианским основам, так как в Евангелии от Иоанна Христос произносит следующие слова: «Я есмь Путь и Истина и Жизнь» (Ин. 14, 6). Однако если мы задумаемся, о какого рода истине идет речь, то придем к выводу, что Христос был олицетворением имманентной внешнему миру истины веры и жизни. Человек же не только ищет внутренние истины, обусловленные духовными потребностями, но и вынужден находиться в поиске внешних истин бренного мира. Моральное основание истины в данном случае является приоритетным по отношению к истине, фундаментом которой выступают нормы и ценности общественного устройства, регулирующие правовыми установками и нормами закона. При этом следование Истине-Христу — не отрицание мирской жизни или общественного устройства, но особый путь личностного развития человека в рамках заданной системы ценностных координат православной религии.

Писатель хорошо понимал душу русского человека, для которого внутренняя Истина-Христос приоритетна по отношению к истине внешнего мира. Данный вопрос является не менее исконным русским вопросом, чем известные «Кто виноват?» и «Что делать?», отрефлексированные в русской литературе. Ответ на данный вопрос кажется вполне очевидным: человеку следует жить и поступать в соответствии с заповедями Бога и учением Христа как абсолютной истины. Однако в реальности православный человек зачастую поступает иначе, поскольку обусловлен законами общественного устройства и всем развитием цивилизации.

Отрицание Истины-Христа приводит к экзистенциальному кризису русской культуры, к ее отрыву от собственных корней. Это, в свою очередь, ведет к возникновению различных лакун в духовной жизни человека, которые заполняются западными симулякрами-истинами, подобными пляске теней на стене платоновской «пещеры». Ницшеанское «Бог умер» продолжается в карамазовском «Если Бога нет, все дозволено».

Вопрос о том, с кем предпочтительнее остаться — со Христом или с истиной, — может быть также трактован как дихотомия эмоционально-чувственной сферы как основания религиозной веры в бога и сферы рационального как основания научного знания, стремящегося открыть истины этого мира. Так сложилось, что русский человек выбирал зачастую остаться со Христом, нежели искать истины, требующие рационального объяснения.

Кажется, что сегодня перед Россией снова стоит «проклятый вопрос» цивилизационного выбора, ведь оба варианта неоднозначны. Остаться в лоне церкви, со Христом, т. е. с ценностями, лежащими в основе мировоззрения русского народа, очень сложный выбор в условиях полиэтнического и поликонфессионального состава большой страны. Но и принять «истины», выведенные другими и негодные для России, но активно навязываемыми ей, тоже неверно. Возможно, ключ к этому вопросу есть то, что Достоевский в своей речи на открытии памятника Пушкину назвал «всемирной отзывчивостью» русского народа — способностью сохранить своего Христа и принять иные истины в смысле самого лучшего при сохранении собственных истин.

3. ТВАРЬ ЛИ Я ДРОЖАЩАЯ ИЛИ ПРАВО ИМЕЮ?

Данный вопрос Достоевский вкладывает в уста своего героя, ставшего одним из знаковых персонажей мировой литературы, — Родиона Раскольникова. Последний, как известно, делил всех людей на два разряда: «дрожащих тварей», обыкновенных людей, и необыкновенных людей, коих он именовал «Наполеонами». Отличие «тварей дрожащих» от «право имеющих» — в том, что вторые могут поступиться совестью во имя достижения некой великой цели. Так считал и сам Раскольников, который хотел изменить свою жизнь, но в итоге обрушил ее окончательно: «Разве я старушонку убил? Я себя убил, а не старушонку! Тут так-таки разом и ухлопал себя, навеки!.. А старушонку эту черт убил, а не я...» (Дзо. Т. 6: 322). Победа «бесовской» сущности над божественной в человеке есть обречение себя на муки и душевные страдания. Вот высокая цена за право свободного волеизъявления, которое кажется таким простым, но на деле оборачивается тяжелым грузом ответственности.

Вообще, трансцендировать наличные рамки — сущностное свойство человека. Человеку присуща универсальность — способность к любым способностям, возможность быть кем угодно и каким угодно. В отличие от животного, которое всегда ограничено тем или иным набором

унаследованных функций, человек способен преодолевать всякие ограничения, всякие наличные рамки.

Универсальную сущность человека можно выразить в одной фразе: «Человек может все». Это действительно так. Человек может познавать бесконечный мир и себя самого. Может изменять внешний мир, осваивать любые природные условия и среды и творить вторую природу — культуру, т. е. то, чего в природе не было. Но универсальность как таковая способна не только возвышать человека над минералами, растениями, животными и машинами, но и превращать человека в минерал, растение, животное или машину. Если человек может все, то, к несчастью, очень часто он использует эту свою способность не во благо себе и другим, а во зло. Возможность быть кем угодно и преодолевать любые ограничения может уводить его с тропы совершенствования на тропу деградации. И тогда человек, который мог стать Богом, господином собственной судьбы или духовным подвижником, становится зверем, рабом или преступником. Универсальность человека как переступание границ, перерастание себя есть отсутствие заранее заданного предела в его развитии.

Безграничные способности, дарованные человеку, могут ослеплять его так, что он начинает верить в собственную непогрешимость, впадая в откровенное самолюбование и начиная преследовать своекорыстный интерес — «иметь право». А между тем универсальность дана человеку не как самоцель, а как средство для того, чтобы своими умениями и достижениями он бесконечно делился с людьми. Всего себя, все свои творческие устремления и возможности человек должен адресовать другому человеку. Если не уметь общаться друг с другом, то никому не будут нужны плоды человеческого творчества.

Таким образом, существуют два пути трансформации человека: один — переступить в себе человеческое, другой — переступить в себе античеловеческое, границы лукавой морали, лицемерия и двигаться к красоте и добру.

Двойственность человеческой природы, метание между «тварностью» и свободой воли, дающей «право поступка», очень точно отражены Достоевским. Балансирование на границе между природной «тварностью» и духовной сущностью обрекает человека на вечную борьбу и вечное становление. Это борьба с Богом за право обретения своего места в мире и за возможность поступать согласно своей воле, а не по предначертанному свыше. Это и борьба с самим собой за спасение своей души от соблазнов и греха, ведь не каждое право поступка является благом.

Проблема свободы воли, обозначенная Достоевским, заключена в том, что человек далеко не всегда правильно понимает эту свободу и не всегда по-человечески ею пользуется.

Раскольников истолковал свободу воли как возможность убийства, что в итоге привело к тяжелым душевным мукам, которые даже покаяние не могло искупить. А инженер Кириллов в «Бесах» трактует свободу воли как право на самостоятельный уход из жизни, строя на этом целую систему взглядов, апофеозом которой становятся его слова: «...кто хочет главной свободы, тот должен сметь убить себя. [...] Кто смее убить себя, тот бог» (Дзо. Т. 10: 94).

Писатель показывает нам не только примеры негативной свободы воли, но и сложный выбор человека, стремящегося выйти за рамки самого себя. Признать себя «тварью» сотворенной или уподобиться богу творящему — вот поистине «проклятый вопрос». Тварь обезличена, однако Бог, который есть Любовь, создал тварь по образу и подобию своему. Поэтому тварное происхождение человека не означает его животности в силу того, что эта тварность имеет сакральное основание в богоподобности.

Но означает ли последняя право на самостоятельность поступков, выходящих за пределы религиозной морали? Отнюдь нет, ведь и сам Бог, обладая абсолютной свободой воли, не несет ответственности за зло, совершаемое человеком, ибо это зло не было заложено в природу человека, а явилось следствием данной ему богом свободы воли.

Таким образом, лучше уж остаться «тварью дрожащей», чем потерять человеческий облик в результате поступков, совершенных «по праву» и несущих горе и разрушение.

4. СТОИТ ЛИ ГАРМОНИЯ СЛЕЗИНКИ РЕБЕНКА?

Этот вопрос Достоевский вкладывает в уста одного из главных героев своего романа «Братья Карамазовы» Ивана, который не принимал Бога и видел в нем причину страданий человека. Обращаясь к своему брату Алеше, Иван спрашивает его, готов ли тот возвести

здание судьбы человеческой с целью в финале осчастливить людей, дать им наконец мир и покой, но для этого необходимо и неминуемо предстояло бы замучить всего лишь одно только крохотное созданище... и на неотмщенных слезках его возвести это здание? (Дзо. Т. 14: 224)

По сути, это вопрос об ответственности человека, наделенного Богом свободой воли, — ответственности перед миром.

Парадоксально, но, похоже, весь XX век пытался опровергнуть ответ Достоевского на этот карамазовский «проклятый вопрос», стремясь утвердить некие образцы гармонии в жизни. Нужно ли пытаться построить «царство Божие» на земле, которое и будет всемирной гармонией? Или страдания человека, та самая «слезинка», важнее любых утопических проектов «светлого будущего», под какими бы лозунгами его ни строили?

По сути, данный вопрос несет в себе не только глубокий духовный смысл, утверждая ценность человеческой жизни и гуманизма, — он предупреждает о последствиях революционных преобразований. Попытки построения гармонии путем коренной ломки существующих устоев общества и морали, по Достоевскому, неприемлемы.

Можно ли осуждать Достоевского за это как консерватора и охранителя — дискуссионный вопрос. Ведь и в своем романе «Бесы» писатель показывает либерально настроенных молодых людей как неких искусителей, носителей противоположных христианству ценностей. Однако мы не спешили бы выносить категоричные оценочные суждения подобного рода, видя в Достоевском глубокого мыслителя, а не политически ангажированного писателя.

5. ОБРАТИТЬ КАМНИ В ХЛЕБЫ — САМАЯ ЛИ ВЕЛИКАЯ МЫСЛЬ?

Таким вопросом задается Версиров — один из главных героев романа «Подросток». И он же подчеркивает, что мысль эта

великая, но второстепенная, а только в данный момент великая: наестся человек и не вспомнит; напротив, тотчас скажет: «Ну вот, я наелся, а теперь что делать?» Вопрос остается вековечно открытым (Дзо. Т. 13: 173).

Подобная мысль в рассуждениях Версирова принимает некий коммунистический оттенок, с одной стороны, и критику его — с другой. Есть ли идеал в обществе всеобщего благоденствия? Вот что волнует писателя, сформулировавшего данный вопрос отнюдь не случайно.

Обращение камней в хлебы — одно из искушений Христа, которому он не поддался. Символическое значение этого в том, что Христос не стал утверждать себя как всемогущего, проявляя чудеса, но смирением своим и крепостью духа победил дьявола. Аллегория этой евангельской истории в том, что каждый человек и общество в целом искушаются мыслью «обращения камней в хлебы», но есть ли это подлинное достижение счастья? Может быть, подлинная сила духа и залог внутреннего роста заключены в ином — в противостоянии искушению?

Преобладающая сегодня потребительская система деформирует человеческую природу: в этой системе весь смысл жизни представляет собой непрерывную гонку за материальными благами. Сегодня «камень стал хлебом», вся система ценностей стала иной, ориентированной не на внутренний мир и духовность, а на внешнюю форму, не заполненную конкретным содержанием.

Ответом на вопрос о величии данной мысли Достоевского может быть отрицание искушений современного мира, которых становится все больше и которые все дальше уводят человека от его изначально сакральной природы. Безусловно, отказ от всех мирских благ просто невозможен, но и полное погружение в них губительно.

И если задача внутреннего роста души оказывается второстепенной в сравнении с задачами экономическими, то достичь социальной гармонии невозможно. Не изменятся люди — не изменится ничего, кроме внешних проявлений их жизнедеятельности.

6. ЗАЧЕМ Я НЕПРЕМЕННО ДОЛЖЕН БЫТЬ ДОБРОДЕТЕЛЬНЫМ?

Дуальность человека приводит к тому, что для многих людей такой вопрос вообще не существует, ибо добродетельным они считают только то, что приносит выгоду, то, что отвечает эгоистическим стремлениям. И если внутри человека — «поле битвы между Богом и дьяволом», то и вопрос о добродетели есть вопрос не просто экзистенциальный, но онтологический. Отринув добродетель, можно уничтожить самого себя и все окружающее. Как в физическом, так и в духовном смысле.

Добродетельность не дана человеку изначально, но способность к ней заложена Богом. Поэтому даже человек, погрязший в пороке и грехе, имеет возможность проявить свое доброе начало, попытаться спасти себя и оправдать изначально сакральный смысл своего существования именно как человека.

Вопрос о необходимости быть добродетельным перекликается с другим карамазовским утверждением: если бога нет, то все дозволено.

Уничтожьте в человечестве веру в свое бессмертие, в нем тотчас же иссякнет не только любовь, но и всякая живая сила... тогда ничего уже не будет безнравственным, все будет позволено... (Дзо. Т. 6: 64–65)

Если бог ушел из брэнного мира, а вера утрачена, то, действительно, в чем смысл добродетельности? Стоит ли отдавать последнюю рубашку и подставлять другую щеку в мире эгоизма и воинствующего утилитаризма, когда дегуманизация разрушила сначала все здание европейской

культуры (фашизм), а затем и всей мировой культуры, на смену которой пришла культура массовая (глобализация).

Зачем я непременно должен быть добродетельным? Этим вопросом искренне задается в романе «Подросток» Аркадий Долгорукий. Окружающие смеются. Вероятно, они знают, что кантовский императив нужно понимать как нравственное априори, т. е. как нечто, дарованное нам изначально и отличающее нас как людей. Тем не менее, оставаясь неразвернутой, эта аргументация (если она вообще подразумевалась оппонентами Аркадия) не в силах разрешить вопрос Подростка. Ибо его вопрос касается самой *онтологии* (структуры бытия и архитектоники человека), в том числе онтологии нравственности.

Я, разумеется, не должен быть добродетелен лишь в смысле внешнего должностования: не обязан подчиняться властным повелениям других людей, ибо эти повеления далеко не всегда правомерны, не говоря уж — истинны. Но должен ли я подчиняться и внутреннему долгу в том случае, если требований внутреннего гласа, вопиющего во мне, понять не в состоянии? Ибо если я не понимаю этого гласа, то, быть может, он чужд всему человеческому?

Только постигая мир и место человека в нем, я способен подчиниться внутреннему долгу, осознавая его как глас Божий.

Проклятые вопросы, поставленные Федором Михайловичем Достоевским, являются поистине феноменом русской и, в общем охвате, мировой философии. Ведь эти вопросы затрагивают глубинную основу жизни человека, его отношения к Богу и другим людям.

В массовом сознании произведения Достоевского считаются сложными для понимания, насыщенными «излишним» психологизмом. Но творческий талант Достоевского — замечательный пример того, что русская литература глубоко философична и несет в художественной форме глубокие идеи, способные повлиять не только на эмоционально-чувственную сферу, но и на разум человека.

Творчество писателя не просто отражало «проклятую» действительность русской жизни, но и стало назиданием будущим поколениям, выросшим из гоголевской «Шинели» и вышедшим из «подполья». Мучают же этого человека не только «проклятые вопросы», но и полярность собственной внутренней природы, где есть место и «ангелу», и «бесу». Кто из них победит — решать каждому человеку. А решать — значит задаваться «проклятыми вопросами».

СОКРАЩЕНИЯ

- Д30 *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений : в 30 т. / под ред. В. Г. Базанова, Г. М. Фридендера, В. В. Виноградова. — М., Л. : Наука, 1972–1990.
 Т. 6 : Преступление и наказание : роман в 6 ч. с эпилогом / под ред. Л. Д. Опульской. — 1973.
 Т. 10 : Бесы : роман / под ред. В. Г. Базанова, Т. П. Головановой. — 1974.
 Т. 13 : Подросток / под ред. Г. Я. Галагана. — 1975.
 Т. 14 : Братья Карамазовы : роман в 4 ч. с эпилогом / под ред. К. Е. И., Г. М. Фридендер. — 1976.
 Т. 28 : Письма, 1832–1859 / под ред. В. Г. Базанова. — 1985.

ЛИТЕРАТУРА

- Бердяев Н. А.* Миросозерцание Достоевского // Русская идея. Миросозерцание Достоевского. — М. : Издательство «Э», 2016. — С. 119–201.
Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / пер. с нем. Н. Полилова. — М. : АСТ, 2017.
Черепова Т. И. «Проклятые вопросы» — этическое ядро русской философии и литературы // Научные ведомости БелГУ. — 2016. — Т. 24, № 38. — С. 195–198. — (Философия. Социология. Право).

Kachejev, D. A., and S. Yu. Kolchigin. 2021. "Mezhdru angelom i besom [Between Angel and Demon]: 'proklyatyye voprosy' Dostoyevskogo [F. M. Dostoevsky's 'Accursed Questions']" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 5 (3), 159–171.

DENIS KACHEEV

PHD IN PHILOSOPHY, PROFESSOR

KOSTANAI BRANCH OF CHELYABINSK STATE UNIVERSITY (KAZAKHSTAN); ORCID: 0000-0003-4847-4611

SERGEY KOLCHIGIN

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY, PROFESSOR, CHIEF RESEARCHER

INSTITUTE OF PHILOSOPHY, POLITICAL SCIENCE AND RELIGIOUS STUDIES OF THE SCIENCE COMMITTEE OF THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN (ALMATY, KAZAKHSTAN); ORCID: 0000-0001-6902-2046

BETWEEN ANGEL AND DEMON

F. M. DOSTOEVSKY'S "ACCURSED QUESTIONS"

Submitted: Jan. 01, 2000. Reviewed: Jan. 01, 2000. Accepted: Jan. 01, 2000.

Abstract: Here is a short list of questions that F. M. Dostoevsky the Russian writer asked humanity. "If there is no God, then everything is allowed?" The values of human life, love,

family, social justice may have a civic basis, but only an understanding of their sacred basis makes them truly all-human. “With Christ or with the Truth?” Answer: of course, with Christ, for He is the Truth. In his question, Dostoevsky had in mind the scientific, logical truth. “Am I a trembling creature or have I the right?” Transcending the existing framework is an essential human property. But there are two ways: one—to overstep the human in oneself, the other—to overstep the anti-human in oneself. “Is the harmony worth the tear of a child?” The 20th century tried to refute Dostoevsky’s answer to this “accursed question”, trying to establish certain models of harmony in life. But is it necessary to try to build the “kingdom of God” on earth or is the suffering of a person, that very “tear”, more important than any utopian projects? “Is it the greatest thought to turn stones into bread?” If the task of the inner growth of the soul turns out to be secondary in comparison with economic tasks, then it is impossible to achieve social harmony. “Why must I be virtuous?” The question of virtue is not just existential, but ontological. By rejecting virtue, you can destroy everything around you and yourself both physically and spiritually.

Keywords: Dostoevsky, “Accursed Questions”, Philosophy, Virtue, Ontology, Harmony, Values.

DOI: 10.17323/2587-8719-2021-3-159-171.

REFERENCES

- Berdyayev, N. A. 2016. “Mirosozertsaniye Dostoyevskogo [Dostoevsky’s Worldview]” [in Russian]. In *Russkaya ideya. Mirosozertsaniye Dostoyevskogo [The Russian Idea. Dostoevsky’s Worldview]*, 119–201. Moskva [Moscow]: Izdatel’stvo “E”.
- Cherepova, T. I. 2016. “‘Proklyatyye voprosy’ — eticheskoye yadro russkoy filosofii i literatury [‘Cursed Questions’ — the Ethical Core of Russian Philosophy and Literature]” [in Russian]. *Nauchnyye vedomosti BelGU [Scientific Bulletin of BelSU]*, Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo [Philosophy. Sociology. Law], 24 (38): 195–198.
- Dostoyevskiy, F. M. 1972–1990. *Polnoye sobraniye sochineniy [Complete Works]* [in Russian]. Ed. by V. G. Bazanov, G. M. Fridlender, and V. V. Vinogradov. 30 vols. Moskva [Moscow] and Leningrad: Nauka.
- Nietzsches, F. 2017. *Po tu storonu dobra i zla [Jenseits von Gut und Böse. Vorspiel einer Philosophie der Zukunft]* [in Russian]. Trans. from the German by N. Polilov. Moskva [Moscow]: AST.